

И.И. АБРАМОВА

Идеи космополитизма и патриотизма в английской педагогике конца XVII-XVIII вв.*

В английской педагогике периода Реставрации и Просвещения широкое распространение получили идеи космополитизма, которые были унаследованы гуманистической педагогикой конца XVII-XVIII вв. от эпохи Возрождения и античности. Еще древнегреческие философы, такие как Диоген Синопский, Сократ, Цицерон, Зенон из Китиона, в космополитическом идеале искали общественную форму, которая бы сделала возможной жизнь каждого человека по единому всемирному закону. Абстрактно-гуманистический идеал мирового гражданства в эпоху Возрождения выдвигали Данте, Петрарка, Пико делла Мирандола, Вивес, Рабле, Монтень, Эразм Роттердамский. Гуманистический идеал человечества и соответствующее этим представлениям воспитание «гражданина мира» развивали и английские философы эпохи Реставрации и Просвещения.

Ярким свидетельством популярности доктрин космополитизма в Англии является широкое распространение в образовательной практике того времени так называемого большого путешествия («Grand Tour») – поездки молодых людей в возрасте примерно от 15 до 21 года по странам континентальной Европы. Именно оно должно было завершить процесс формирования джентльмена.

Около 200 педагогических трактатов, вышедших в Англии в этот период, были посвящены образованию джентльмена. Практически в каждом из них затрагивался вопрос о значении большой поездки. Такие разные авторы, как Дж. Локк, В. Рамзей, Дж. Гейлхард, Э. Лей, О. Уолкер, Д. Фордис, Дж. Мур, Дж. Пакл, О. Уолтер, Т. Гордон, Р. Шеридан, Р. Стил, Честерфилд и др., в целом положительно оценивали роль путешествия в воспитании джентльмена. Вместе с тем существовали и различия в их подходах к этому вопросу, неоднозначность оценки роли путешествия в образовательном процессе. Интерес современников к этой теме был не случайным. За проблемой целесообразности отправки молодых людей за границу как части образовательного процесса, стояли важнейшие вопросы формирования облика будущего джентльмена, его нравственных и жизненных ориентиров.

На наш взгляд, в дискуссиях английских писателей и педагогов отчетливо проявились противоречия между сохранившимися в общественном сознании со времен Ренессанса доктринами космополитизма и вызванными процессом формирования национального самосознания идеями патриотизма. Развитие капиталистических отношений в Англии XVII-XVIII вв., формирование национального рынка и национального самосознания сопровождалось процессом становления национальной элиты. Объективная тенденция капиталистического общества к «интернационализации» действовала наряду с тенденцией к образованию национальных государств и формированию национальных ценностей. Идеи космополитизма переплетались с идеями патриотизма и сохранения исторических традиций. Понятие «джентльмен» к этому времени стало приобретать не только социально-этический, но и национальный контекст. Начавшийся в середине XVIII века промышленный переворот уже через столетие приведет к мировой гегемонии Англии. Ее станут называть «мастерской мира», «мировым банкиром», «мировым извозчиком» и т.п. Превратившись в крупнейшую колониальную державу, она получит титул Британской империи. Но, согласно известному шутливому замечанию, престижу Англии будет больше содействовать «образец джентльмена в качестве экспортного товара, чем экспорт английского угля» [1].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выяснить, каким образом в английской педагогике XVII-XVIII вв. сочетались идеи космополитизма и патриотизма, какая из этих доктрин стала приоритетной и какое влияние эти принципы оказывали на воспитание джентльмена.

Идеология Просвещения носила в целом космополитический характер [2]. Возникнув в Англии, идеи Просвещения получили блестящее развитие в трудах французских мыслителей и, превратившись в общественно-политическое движение, охватили всю Европу. Одной из наиболее значимых областей, подверженных влиянию новых идей, стала педагогика. Не случайно философские доктрины основоположника Просвещения Джона Локка нашли свое практическое

*Статья подготовлена при поддержке Центрально-Европейского университета (Central European University, «CEU») в рамках научно-исследовательской программы «Special and Extension Programs».

воплощение в его «Мыслях о воспитании», сочинении, имеющем характер прикладной педагогики. Развитие мыслей о природной одинаковости всех людей и универсальных принципах человеческой природы приводило к представлению о возможности и даже необходимости с помощью воспитания воздействовать не только на отдельного человека, но и на все человечество.

Авторы наставлений джентльменам, английские педагоги и писатели, считали, что путешествие в Европу имело большие преимущества перед другими видами образования. Во время «гранд-тура» джентльмен приобретал «знания о человеке» и умение держаться в светском обществе, т.е. овладевал искусством светской жизни. Он учился хорошим манерам и навыкам воспитанного человека, на чем особенно настаивали представители высшей английской знати. Путешествие давало прекрасные возможности для изучения иностранных языков, что было важно для будущей политической и дипломатической карьеры джентльмена. Немаловажным аргументом в пользу поездки было и получение новых знаний, знакомство с политикой, экономикой, культурой европейских стран. Авторы педагогических трактатов подчеркивали, что если такие знания и не пригодятся джентльмену на поприще государственной службы, то они, в конечном счете, сделают его более информированным и пополнят его багаж новыми знаниями, помимо тех, которые были получены во время учебы. Знакомство с памятниками, в первую очередь античного искусства, воспитывало культурного и образованного человека.

Многие писатели считали, что большое путешествие имело не только информационный или практический характер. Они обращали особое внимание на необходимость таких знаний для подготовки юноши к служению обществу, т.е. на его гражданское воспитание. Поездка давала возможность сопоставить обычаи континентальных стран с обычаями, существующими в собственной стране, почувствовать себя частью интеграционного единства. Так, Джон Локк, говоря о «выгодах», которые давало путешествие, указывал, что главнейшими из них были две: во-первых, – усвоение языка, во-вторых, – «повышение умственного развития и обогащение практическим опытом благодаря наблюдению и общению с людьми разных нравов, обычаев и образа жизни, отличающихся между собою и особенно от тех, которые молодой человек наблюдал в своем приходе и по соседству» [3]. Дэвид Фордис и Джозеф Пристли, говоря о пользе знаний о политике иностранных государств, обращали внимание на то, что приобретенные во время поездки знания помогут поднять национальный дух общества, что они считали важнейшей задачей образования. О важности приобретения именно общественно-полезных знаний писал граф Честерфилд [4].

Многие современники указывали на узость кругозора молодых английских джентльменов, считали их жертвами большого числа национальных предрассудков, следствием чего была крайняя ограниченность их мировоззрения и национальная замкнутость. Большое путешествие должно было исправить эту характерную для англичан узость мышления. Во время поездки по континентальным странам британец должен был расширить свое мировоззрение и стать космополитом. Так, Джеймс Пёкл в «Диалогах» полагал, что тот, кто проводил свою жизнь на одном месте, был «провинциалом», тогда как «путешествие расширяло все границы и устраняло узость мышления» [5]. Ричард Стил, описывая в «Гардиан» образ идеального джентльмена, специально подчеркивал, что он «должен путешествовать, чтобы узнать о национальных предрассудках, определенная доля которых есть у каждого народа» [6].

Английское светское общество XVIII века было склонно превозносить путешествие и видеть его особую роль в том, чтобы привить джентльмену космополитическое мышление. Следует отметить, что своим космополитизмом отличалась от массы дворянства английская аристократия. Герой Фордусе, Эугенио, студент, выходец из аристократической семьи, выразил эту мысль следующим образом: «национальные предрассудки необходимо искоренять, привязанность нашим собственным обычаям и нравам несет на себе отпечаток варварства», которое должно быть уничтожено, «прежде чем мы создадим прекрасный образ джентльмена». Человек может расстаться со своим провинциализмом, говорит Эугенио, только расширяя свои взгляды за пределами своей страны, изучая иностранные обычаи и общаясь с людьми разных национальностей, имеющих различные интересы, там, где они видны в истинном свете» [7]. Шефсбери, представитель аристократии, у Херда приходит к выводу о необходимости путешествия по тем же причинам. Он обеспокоен тенденцией существующей у всего населения страны приобретать «одинаковый и в основных чертах однообразный характер». Он презрительно говорит об «идиотских предрассудках доморожденных джентльменов» и превозносит путешествие за возможность знакомства «с другими разновидностями общества», потому что, расширив таким образом свои представления, «они смогут распрощаться с так называемыми местными и

национальными предрассудками» [8]. Одной из причин, по которым Честерфилд послал сына в «Гранд-тур», было тоже стремление воспитать в нем космополита. Путешествуя, рассуждал Честерфилд, приобщаясь к «хорошему обществу разных стран», «молодой джентльмен сам становится человеком мира (himself becomes of every country), он перестает чувствовать себя англичанином, французом или итальянцем, а становится европейцем» [9]. Честерфилд, пожалуй, наиболее ясно выразил космополитический характер мировоззрения английской аристократии. Знатность происхождения, родственные связи с членами других титулованных фамилий, богатство, занятие политикой и дипломатией, знание иностранных языков – превращало светскую знать в своего рода клан, не имеющий национальных границ.

Однако, несмотря на широкое распространение идей космополитизма в воспитании и образовании джентльмена, многие авторы признавали этот идеал с большими оговорками. Некоторые признавали его только при условии, если воспитание «человека мира» не влекло за собой потери британской принадлежности или любви к родине. Ричардсон писал, что его «длительное пребывание за границей только еще больше внушило ему любовь к религии, правительству и обычаям Англии». Он сумел удачно балансировать между космополитизмом и патриотизмом, но множество джентльменов, по свидетельству критиков, этого сделать не смогли. Поддавшись влиянию, возможно, тех же предубеждений, от которых они предостерегали молодых путешественников, эти авторы утверждали, что процесс «космополитизации» идет слишком быстро, превращая молодого джентльмена в иностранца. Более того, они верили, что Британия, стараясь подражать континентальным образцам, делала это неудачно, и в характере англичан гораздо более естественным было презирать иностранцев, чем копировать их [10]. По их мнению, англичане за границей, беря за образец все иностранное, рисковали забыть обычаи своей страны и воспринять чужестранные, особенно французские. Особенно опасались влияния Франции на национальный характер, так же как ранее, в период Реставрации, опасались влияния Италии.

Конечно, в английском обществе существовали и сильные прогалльские симпатии, в особенности восхищение французской вежливостью. Так, граф Честерфилд писал о том, что «француз, сочетающий в себе высокие нравственные качества, добродетель, ученость и здравый смысл с воспитанностью и хорошими манерами своей страны, являет пример совершенства человеческой природы» [11]. Но Честерфилда нельзя заподозрить в излишних профранцузских настроениях, так как он считал, что «хороший вкус и здравый смысл» в то время были достоянием не только Франции, но и Англии. Что касается других народов, то «немцам не хватало того и другого, итальянцы, напротив, заходили слишком далеко» [12].

Вместе с тем, существовали и сильные антифранцузские настроения. В конце XVIII века оппозиция франконизации страны стала настолько сильной, что Мур, который сам испытывал большое уважение к Франции, не мог не отметить: «Предубеждение против французских манер не ограничивается в Англии только людьми низших сословий. Оно распространилось на всю нацию. Даже те, кто одобряет французские манеры у французов, не могут спокойно наблюдать их проявление у своих соотечественников. Я не могу припомнить ни одного англичанина, который бы, отдавая предпочтение французским манерам и в одежде, и образе жизни, при этом не проигрывал бы во мнении своих соотечественников» [13]. И в этом вопросе многие писатели вступали в спор с теоретиками и людьми света, которые видели в хорошем воспитании одну из важнейших целей путешествия, восхваляли Францию за вежливые манеры и призывали молодых англичан воспринять эти манеры. Французская вежливость патриотически настроенными авторами, напротив, воспринималась как поверхностная, ханжеская и фривольная – как элегантный внешний лоск, не имеющий ничего общего с истинной культурой. Французскую вежливость высмеивал Т. Смоллет, по мнению которого «нелепые жесты и гримасы» цирюльника, вернувшегося из Парижа, могли легко сойти за живую вежливость джентльмена, полученную во время путешествия [14]. То, что французы считают хорошими манерами, писал Мур, англичане могут воспринять как лесть или раболепие [15]. С критикой главным образом французских манер как образца для подражания английского джентльмена выступали Д. Фордис и епископ Р. Хёрд.

Реакция французских критиков касалась не только вежливости, но и языка и моды. Молодой человек, писали критики, перенимал французскую манерность, щегольство, в разговорную речь вставлял французские фразы, одевался по французской моде и становился, таким образом, похожим на «современного правильного джентльмена». Он был англичанином только по имени или в лучшем случае гибридом, продуктом двух противоположных культур, не принадлежа ни одной из них [16].

Английская литература XVIII века буквально наполнена различными сатирическими изображениями такого рода «франконизированных» джентльменов, вернувшихся из путешествия. Два таких описания мы, например, можем найти в романе Генри Филдинга «История приключений Джозефа Эндруса». Его Беллармин, только что прибывший из Парижа, превозносит французскую моду. «Этот камзол сделан в Париже, и пусть лучший английский портной попробует хотя бы скопировать его... разве пентюху-англичанину сделать что-либо подобное?», – говорит он. В другом месте он восклицает: «Вы не можете себе представить, когда я первый раз по приезде отправился в оперу, я принимал наших английских леди за горничных!». И, наконец, заключает: «...да пусть лучше этот грязный остров сгниет на дне морском, чем чтобы мне на себя надеть хоть одну тряпку английской работы» [17]. Это-то французское чванство, в романе Филдинга, и заставило молодую красивую девушку Элеонору предпочесть Баллармина своему жениху, молодому адвокату сквайру Горацио. Но как только Баллармин узнает, что отец не дает Элеоноре приданого, он отказывается от нее и направляется снова в Париж «к великому восторгу французов и к чести для английской нации» [18], – саркастически пишет Филдинг. Вопрос о воспитании патриотизма является для него одним из главных. Уже в следующем сюжете Филдинг едко высмеивает ложный английский патриотизм. Его следующий герой – священник самого благородного образа мыслей, готовый, не задумываясь, «отдать жизнь за родину». Этот джентльмен рассуждал о мужестве и заявлял, что «не будь он готов умереть за Англию, был бы не достоин в ней жить». Но как только услышал женский крик о помощи, бросился наутек [19].

Другой образец молодого путешественника у Филдинга выглядит еще более карикатурно и не вызывает ничего, кроме отвращения. Когда юноше исполнилось 20 лет, его мать спохватилась, что не выполнила родительского долга, и отправила сына в путешествие, что, по ее понятиям, «отлично заменило ему обучение в закрытой школе и в университете». За 3 года юный сквайр, как говорится, объездил всю Европу и вернулся домой «с большим запасом французских костюмов, словечек, слуг и глубокого презрения к родной стране; особенно же ко всему, что отдавало простосердечием и честностью предков». После его возвращения мать поздравила себя с большим успехом. Унаследовав состояние, «он вскоре обеспечил себе место в парламенте и прослыл одним из самых утонченных джентльменов своего времени» [20]. Но главное, что отличало этого джентльмена, «его необычное пристрастие ко всему смешному, отвратительному и нелепому в человеческой породе». Тот окружил себя личностями «собачьего склада, готовых самое добродетель и мудрость предать посмеянию в угоду своему господину и кормильцу» [21]. Путешествие, несмотря на внешний лоск, не только не сделало из него добропорядочного человека, но и усилило его дурные наклонности.

Молодые путешественники, вернувшиеся в страну такими же невежественными, как и прежде, становились объектом сатиры. Например, А. Боуер повествует о щеголе, который, если что и привез с континента, так только «прекрасно пошитый костюм и прелестные французские ленты для ножен сабли». Его пребывание во Франции было чрезвычайно плодотворным: «Все его знания сводились к туманным представлениям о Версале, Сент-Клу, Фонтенбло, Сен-Жермен и Лувре, а также к тому, как содержать лакея, которого он оттуда привез» [22]. Дж. Пакл в «Диалогах» описал путешественника, который, несмотря на то, что провел за границей семь лет, вернулся в Англию, приобретя лишь несколько банальных фраз типа «Константинополь был сокровищницей Греции, Париж – столицей Франции, Венеция – глазами Италии, Флоренция – местом красоты». Семь лет пребывания за границей были для него наполнены пьянством и амурными похождениями, «Бахус и Венера были его кумирами» [23].

У целого ряда критиков опасение вызывало также то, что путешествие могло нанести вред политическим взглядам молодых джентльменов. Они могли потерять веру в английские свободы и английскую конституцию и предпочесть абсолютную монархию, особенно французскую. «Путешественник, – говорит Фордис в «Диалогах об образовании», – должен научиться презирать цепи и рабский образ жизни, какими бы раззолоченными они ни казались» [24]. У английских авторов не было сомнения в совершенстве английской конституции, и они с иронией писали о тех молодых патриотах, которые «отправлялись в путешествие для того, чтобы сравнить ее недостатки с более совершенными образцами, которые можно было найти за границей» [25].

Не столь иронично подошел к этому вопросу епископ Р. Хёрд. В его «Диалогах» аристократ Шефтсбери с презрением говорит о «доморощенном джентльмене», предрассудки которого могло искоренить только путешествие. Сам же писатель считал, что предрассудки эти весьма желательны, и не надо их разрушать, если это «честные заблуждения» и связаны с достоинствами «земли и климата Старой Англии». Эти недостатки надо просто направить в правильное русло,

освободив ум из-под власти идеи об английской свободе или, в конце концов, теплой любви к ней [26]. Р. Хёрд верил, что деспотические правительства вынуждали человека льстить и лицемерить, что, в его понимании, часто и означала французская вежливость. Он противопоставлял абсолютные монархии Европы, где «все были придворными», английской «свободной монархии», где «все были гражданами». «У нас есть страна, которую мы можем обнять, а не двор, которому нужно поклоняться», – с гордостью заявлял он. «Пусть лучше наши соотечественники сохраняют простоту, рутинные манеры. Но дайте им возможность позволить себе использовать этот дефект ради пользы, превосходных знаний и общественного духа. Он боялся, что если британцы усвоят неискренность, притворство и низкопоклонство, необходимые человеку в условиях деспотического правления, тогда они будут обречены, как были обречены Афины, когда они предпочли простодушие и свободолюбие своих предков фатовству и упадку азиатских дворов» [27]. Такие представления разделяли многие англичане, видевшие своих соотечественников, вернувшихся с континента и в полной мере овладевших французскими манерами и идеями.

Начиная с XVII века, существовала также практика одновременно с путешествием отправлять детей учиться в иностранные академии. Эта традиция продолжилась и в следующем столетии. Так, сын Честерфилда во время путешествия учился в академиях Италии и Франции. Такая практика также вызывала негативную реакцию и рассматривалась как попытка «дезангликанизации» британского общества. Недовольство достигло апогея во второй половине XVIII века. Р. Хёрд писал о том, что протестантские университеты Италии и Франции искажали религиозные взгляды англичан, не давали верного представления о политических и религиозных принципах их собственной нации. Даже доктор Дж. Мур, который был воспитателем молодого герцога Гамильтона и не возражал против путешествия как такового, был против того, чтобы посылать молодых людей для обучения в иностранных академиях. «Самым важным в образовании является то, чтобы сделать из молодого человека англичанина, и наиболее эффективно это можно сделать в Англии» [28], – писал он. По мнению педагогов, смешные предрассудки, привезенные из-за рубежа, могли сделать молодого человека несчастным в родной стране на всю оставшуюся жизнь.

Но, пожалуй, самой острой критике подвергся нравственный облик вернувшихся путешественников. В поездке видели опасность разложения моральных, религиозных и даже политических устоев молодых британцев. За заботой о потере добродетели ясно прослеживается опасение утраты чувства национального патриотизма. Особое предубеждение вызывала Франция, которая, по мнению патриотически настроенных авторов, оказывала в XVII-XVIII вв. сильное влияние на национальный характер англичан. Критика французской вежливости как образца для подражания джентльмена особенно ясно прослеживается у Д. Фордиса и Р. Хёрда. По их мнению, англичане за границей, беря за образец все иностранное, рисковали забыть обычаи своей страны и воспринять чужестранные, особенно французские. Несмотря на широкое распространение идей космополитизма, большинство современников опасалось, что воспитание «человека мира» повлечет за собой потерю британской принадлежности и любви к родине. Английская морализаторская литература, создавшая карикатурный образ вернувшегося из дальних странствий англичанина, также играла свою роль в формировании у молодых джентльменов негативного отношения к другим народам.

Несмотря на популярность космополитических идеалов среди светской знати, огромное число молодых джентльменов XVIII века с презрением относились ко всему иностранному. Они были убеждены в том, что ничто не заслуживало внимания на континенте, не желали воспринимать континентальные идеи, отвергали политику, экономику и религию других стран, «высокомерно презирали иностранные обычаи и традиции только потому, что они иностранные» [29]. В итоге они упускали возможность получить в Европе и полезные практические знания.

Пародийное изображение одного из таких путешественников можно найти в эссе Томаса Гордона «О злоупотреблениях путешествиями», написанного для «Юмориста». Путешественник по имени Оливер Гейп, будучи сыном сельского сквайра, отправился за границу в сопровождении слуги по имени Джон, который был жертвой таких предубеждений и сделал их жертвой своего хозяина. В письме к отцу Оливер мало что мог сказать о Голландии, кроме того, что в Англии больше древесины, чем в Нидерландах, и «масло лучше, особенно в мае месяце». Он утверждал, что голландцы не были христианами, потому что у них не было священников. Но он не предпринял ни одной попытки сходить в голландскую церковь, потому что она «состояла из диссентеров и пресвитериан, а попросту говоря, из схизматиков, которые так же плохи, как папское идолопоклонство». Когда он писал о Франции, его антипатии в отношении иностранцев и,

как следствие, недостаток знаний о них обнаруживались еще очевидней. Ему не нравились французы, потому что английская говядина была толще французской на дюйм, и «они никогда не делали пудинга, но ели лягушек как сумасшедшие» [30]. Именно от такого подхода к иностранной культуре Честерфилд предостерегал своего сына. Он писал: «Если ты находишься в лютеранской стране, отправляйся в их церкви, смотри, как они молятся, посещай их церемонии, узнавая значение и намерения каждого из них. Делай то же самое в римско-католических странах...» [31].

Близкой к этому предубеждению против иностранцев была и практика общения за рубежом исключительно со своими соотечественниками. Очевидно, это не позволяло молодому джентльмену реализовать основные цели путешествия. Именно через общение с иностранцами джентльмен приобретал способность свободно говорить на иностранных языках, овладевать хорошими манерами, избавляться от провинциализма и получать сведения о народах на континенте. Поэтому в эпоху Реставрации молодого джентльмена убеждали, чтобы во время путешествия он как можно меньше общался со своими соотечественниками. В XVIII столетии, по свидетельству критиков, британцы мало с кем знакомились на континенте и в основном общались с теми же англичанами. Честерфилд изобразил молодого знатного человека, который считал романские народы «скулящими, раболепствующими собаками» и, отказываясь общаться с ними, изумлялся, почему они не говорят по-английски? [32].

Доктор Дж. Мур, который в конце 70-х гг. XVIII в. сопровождал молодого графа Гамильтона в путешествии по Европе, заметил, что «многие английские путешественники находятся за рубежом по 4-5 лет и редко бывают в компании, состоящей из кого-либо, кроме соотечественников». Он писал, что обычно они «создавали общества и клубы, состоящие из них самих», и в этом узком кругу «навязывали друг другу все предрассудки об обычаях и нравах других стран». Дж. Мур был полностью согласен с теми, кто утверждал, что «настоящая цель путешествия, таким образом, искажалась» [33].

Некоторые молодые путешественники совершали свою первую ошибку еще перед тем, как покинуть Англию. Они очень мало знали о своей собственной стране, особенно об ее законах и конституции. Когда они отправлялись за рубеж, им не с чем было сравнивать законодательные и политические институты континентальных стран, поэтому их попытки что-либо узнать об этих учреждениях не приносили успеха. Так, Т.Шеридан предлагал молодым джентльменам «начать свое путешествие со знакомством с тем, что было примечательным дома». Это, по его мнению, «не только позволило бы им сравнивать с состоянием дел в других странах», но и обеспечило бы темы для разговоров, к которым иностранцы проявляли большой интерес [34]. Чаще всего, прежде чем поехать в путешествие, советовали получить правовые знания.

Широкий круг наставников придерживался убеждения, что настоящую угрозу для молодого англичанина представляет не его юность и неопытность, а то вредное влияние, которое оказывают иностранцы на его добродетель. Они считали, что общество континентальных стран является более аморальным и антирелигиозным, чем сама Англия. Это представление об иностранцах, возможно, было унаследовано со времен Ренессанса, когда, прежде всего Италия, приобрела отталкивающую репутацию среди англичан. В XVIII веке Франция чаще, чем Италия, рассматривалась как страна, наполненная грехом и неверием. «Глупость, щегольство, порок и удовольствие» получили распространение на континенте, – писал Шеридан в «Британском образовании» [35]. Хёрд, хотя и приходил к выводу о том, что путешествие необходимо для того, чтобы завершить образование джентльмена, оставлял у читателя чувство, что лучше бы джентльмен этого не делал.

Некоторые критики опасались, что, вернувшись в Англию, путешественники будут насаждать и пропагандировать у себя дома пороки и недостатки, заимствованные у иностранцев. В «Диалогах» Р. Хёрда Шефтсбери был сторонником «гранд-тура». Он утверждал, что вежливость в Англию была привезена из Франции. Но Локк ему возражал: «Что касается заслуг двора Карла, то, если они что-то и привезли из Франции, кроме глупостей и пороков,...то это тайна, которую я не имел удовольствия высоко оценить» [36]. О. Дьюк также видел в иностранных народах источник пороков, которые наводнили Англию. «Британцы едут за границу, – писал он в 1722 году, – чтобы получить нездоровые привычки и вредные наклонности... чтобы привезти домой нездоровые манеры или испорченный язык и попасть в результате в плохую компанию или получить самое худшее разложение всех добродетелей» [37]. Он предпочитал, чтобы английский джентльмен оставался на родине.

Путешествию приписывалось также разложение религиозных и моральных устоев. По мнению критиков, религиозные принципы английского джентльмена подверглись влиянию

католицизма. Еще опаснее было свободомыслие, которое ассоциировалось с Францией и Италией. Дженинс описывал молодого человека, вернувшегося из Европы «наполовину атеистом, наполовину папистом, картежником, мыльным пузырем и мошенником» [38].

Такой же серьезной критике, в основе которой было больше чувства патриотизма, чем заботы о сохранении добродетелей, подверглось мнение о путешествии как средстве, с помощью которого можно было избавиться от английского провинциализма и познакомиться с французской вежливостью. В период Реставрации Дж. Гейлхард характеризовал настоящего джентльмена как человека, который «не забывает о том, что он англичанин, ни становясь французом, или итальянцем, или немцем, он остается подлинным англичанином, беря полезное у каждого из народов, но как обрамление, а не как вершину» [39]. О приверженности национальным традициям и обычаям писал Дж. Локк, который считал, что «...подавляющее большинство человечества восприняло даже те свои взгляды и обряды, за которые оно готово положить свою жизнь, скорее из обычая своих стран, из постоянной практики окружающих людей, чем из доводов своего разума» [40].

Таким образом, многие английские теоретики XVII-XVIII вв. указывали на роль «гранд-тура» в преодолении национальной ограниченности мышления молодых британцев, расширении их кругозора, формировании принципов космополитического мировоззрения, превращении его в «человека любой страны, европейца», по выражению Честерфилда. Эта гуманистическая тенденция, идущая в английской педагогике со времен Ренессанса, воспитывала толерантность и уважение к обычаям и культуре других народов. Но она не стала преобладающей. Идеал «английского джентльмена» в XVIII в. приобрел уже отчетливо выраженный национальный оттенок. Если в XVII в. образцом вежливости и манер была французская галантность (*gentilhomme*), то на рубеже XVII-XVIII в. «галантный человек» уступает место «английскому джентльмену». Английские писатели начинают противопоставлять французскому «галантному человеку» собственный идеал человека. Французская вежливость воспринимается в Англии как поверхностная, как элегантный внешний лоск, который не соответствует английским обычаям, а потому выглядит в Старой Англии нелепо. Идеи патриотизма в воспитании джентльмена возобладали над абстрактно-гуманистическим идеалом «гражданина мира». Наставникам английских джентльменов редко удавалось сочетать идеи патриотизма и космополитизма, но они пришли к мысли о том, что в основе воспитания джентльмена должна быть не внешняя вежливость манер, а нравственное воспитание личности, основанное на чувстве национальной принадлежности, на знании и уважении исторических, религиозных, культурных, политических и др. традиций своей страны. Эти патриотические идеи соответствовали возрастанию роли Англии на международной арене и способствовали укреплению ее национального престижа. Именно эти национальные приоритеты немало способствовали тому, чтобы образец «английского джентльмена» впоследствии получил европейское признание.

Библиографический список

1. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С. 127.
2. Hammerstein N. Epilogue: The Enlightenment \ A History of the University in Europe. In 4 vols. Cambridge, 1996. V.2. P. 621.
3. Локк Дж. Мысли о воспитании // Дж. Локк. Педагогические сочинения / Под ред. И.Ф. Свядковского. М., 1939. С. 221.
4. Подробнее см.: Абрамова И.И. Значение «Гранд-тура» в воспитании и образовании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3.
5. Pucle James. The Club: In a Dialogue Between Father and Son. London, 1817. (1711). P. 47.
6. Guardian. No.34. April 20, 1713.
7. Fordyce D. Dialogues Concerning Education. V. II. P. 273-274.
8. Hurd Bishop Richard. Dialogues on the Uses of Foreign Travel. P. 38, 32.
9. Chesterfield Ph.D.S. Letters. Ed. Bonamy Dobree. 6 V., 1932. V.5. P. 1939.
10. Moore Dr. John. A View of Society and Manners in France, Switzerland and Germany. 2 vols. V. I. P. 73-74.
11. Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры / Под ред. М.П. Алексеева. М., 1978. С.27.
12. Честерфилд. Там же. С. 138.
13. Moore Dr. John. A View of Society and Manners... V. I. P. 229-231.
14. Smollet T. Roderic Random. Ch. L.
15. Moore Dr. John. A View of Society and Manners... V. I. P. 67.
16. Jenyns S. Modern Fine Gentleman. Works, I, 66.
17. Филдинг Г. История приключений Джозефа Эндруса. М., 1949. С. 116.
18. Там же. С. 134.

19. Там же. С. 141.
20. Там же. С. 253.
21. Там же.
22. Boyer Abel. The English Theophrastus: Or the Manners of the Age. Being the Modern Characters of the Court. The Town and the City. London, 1702. P. 52.
23. Pucle J. The Club: In a Dialogue Between Father and Son. P. 45-46.
24. Fordyce D. Dialogues Concerning Education. V. II. P. 276.
25. World, No 22.
26. Hurd Bishop Richard. Dialogues...P. 95-96.
27. Hurd Bishop Richard. Dialogues...P. 159-160.
28. Moore Dr. John. A View of Society and Manners... V. I. P. 287-289.
29. The World. Ed. Alexander Chalmers. In The British Essayists. Boston, 1856. No.22. May, 31, 1753.
30. Gordon Th. The Humourist: Being Essays upon Several Subjects. 2vol. London, 1891 (1762). V.1. P.184-186.
31. Честерфилд. Письма к сыну. С. 49.
32. World, No 29, July 19, 1753. /The ed. Alexander Chalmers. In: The British Essayists. Boston, 1856.
33. Moor Dr. John. A View of Society and Manners in France, Switzerland, and Germany. 2 vols. London, 1779. V.1. P.72-73.
34. Sheridan T. A Plan of Education for the Young Nobility and Gentry of Great Britain. London, 1769. P. 144.
35. Sheridan T. British Education. P. 32.
36. Hurd Bishop Richard. Dialogues... P. 18-20.
37. Dykes O. The Royal Marriage. King Lemuel's Lesson... Practically Paraphras'd. London, 1722. P. 200.
38. Jenyns Soame. The Modern Fine Gentleman. In Works, ed. Charles Nason Cole. London, 1793. (Written 1746). P. 47
39. Gailhard J. The Compleat Gentleman. P. 4.
40. Локк Дж. Мысли о воспитании. С. 176.